

КАРНАЧЁВ АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ

Кандидат исторических наук, независимый исследователь
karnachov72@mail.ru

Рецензия на: *Фонкич Б.Л.* Византийский маюскул VIII–IX вв. К вопросу о датировке рукописей. М., 2020 (Монфокон. Вып. 5.). 232 с.

ALEXANDER KARNACHOV

PhD, independent researcher
karnachov72@mail.ru

Review on: *Fonkich B.L.* Byzantine Majuscule of the 8th – 9th Centuries: On the Question of Dating of Manuscripts (Montfaucon, 5). 232 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Карначёв А.Е. Рецензия на: Фонкич Б.Л. Византийский маюскул VIII–IX вв. К вопросу о датировке рукописей. М., 2020 (Монфокон. Вып. 5.). 232 с. [Электронный ресурс] // *Vox medii aevi*. 2021. Vol. 1(8). С. 160–165. URL: <http://voxmediiavei.com/2021-1-karnachev>

DOI

10.24412/2587-6619-2021-1-160-165

FOR CITATION

Карначёв А.Е. Рецензия на: Фонкич Б.Л. Византийский маюскул VIII–IX вв. К вопросу о датировке рукописей. М., 2020 (Монфокон. Вып. 5.). 232 с. [Digital Resource] [*Karnachov A.* Review on: *Fonkich B.L.* Byzantine Majuscule of the 8th – 9th Centuries: On the Question of Dating of Manuscripts (Montfaucon, 5). 232 p.] // *Vox medii aevi*. 2021. Vol. 1(8). P. 160–165. URL: <http://voxmediiavei.com/2021-1-karnachev>

DOI

10.24412/2587-6619-2021-1-160-165

Рецензия на: *Фонкич Б.Л. Византийский маюскул VIII–IX вв. К вопросу о датировке рукописей. М., 2020 (Монфокон. Вып. 5.). 232 с.*

В наше распоряжение книга попала буквально за несколько дней до кончины ее уважаемого автора, поэтому формальную рецензию неизбежно приходится совместить с жанром эпитафии и благодарственного слова человеку, много сделавшему для того, чтобы у всех причастных к палеографической науке сложилось верное представление о возможностях этой дисциплины на современном этапе ее развития.

Задуманное как полемический труд, направленный против безосновательных выводов «школы Гульельмо Кавалло», сочинение Б.Л. Фонкича о древнейшем типе византийского письма — маюскуле, или унциале, — помимо достижения первоначальной своей «отрицательной» задачи, стало примером утверждения новых, высочайших стандартов работы с рукописным материалом. Подобное мастерство, разумеется, могло быть достигнуто лишь в результате многолетнего кропотливого изучения сотен и тысяч образцов рукописных текстов, выполненного человеком с уникальной «фотографической» памятью и природным даром видеть мельчайшие черты сходства и несходства почерков. Всех, кто знал покойного Бориса Львовича, поражало, восхищало это его «магическое искусство» видеть и запоминать особенности письма, чтобы потом, спустя годы, безошибочно идентифицировать руку того или иного писца в другом греческом манускрипте или же установить принадлежность нескольких разбросанных по свету рукописей определенной книжной школе. И все, включая автора данной рецензии, понимали, что присутствуют при настоящем

чуде, и спешили обратиться к уникальному ученому и безотказному товарищу за советом, ибо человек, как известно, не вечен... К сожалению, теперь об этом приходится писать как о свершившемся факте: специалиста по греческой палеографии и кодикологии, подобного Б.Л. Фонкичу, у нас больше нет. И неизвестно, появится ли он в обозримом будущем.

Основная идея разбираемой книги — применить для датировки маюскульных рукописей данные смежного типа византийского письма, минускульного, — пришла к автору в процессе изучения системы надстрочных знаков, начавшей складываться в Византии, как это видно по древнейшим дошедшим до нас датированным образцам, не ранее последней трети VIII в. Что характерно, ученому удалось уловить динамику развития этой системы — от спорадической постановки одних только ударений, необходимых для облегчения словоделения в сплошной «вязи» минускульного текста, до возрождения полноценного набора диакритики, изобретенной некогда александрийскими филологами ради сохранения корректного чтения гомеровских поэм. Процесс этот занял около полутора столетий, с различной скоростью он шел в нескольких книжных центрах Востока. Именно внимательный взгляд палеографа мог заметить, что и в *маюскульных* рукописях наблюдается схожее явление. Какие-то из них, очевидно, древнейшие, вовсе не имеют надстрочных знаков, какие-то снабжены диакритикой лишь в «необходимой и достаточной» мере, в каких-то ее еще больше, и, наконец, некоторые унциальные манускрипты оснащены ею полностью. Причем исследователь всегда отмечал, нанесены ли ударения и придыхания рукой основного писца и теми же чернилами или же расставлены позже. И то, и другое оказывалось значимыми признаками. По мысли Б.Л. Фонкича, минускульное письмо, постепенно завоевывая греческий книжный мир, «подарило» систему надстрочных знаков уходящему письму, маюскульному, дважды: с одной стороны, в части рукописей диакритика стала неотъемлемой частью основного маюскульного письма, и тогда она наносилась писцом одновременно с текстом, с другой стороны, «мода» на диакритику приводила

к ее позднейшей расстановке в уже существовавших, более ранних маюскульных рукописях, в том числе и тогда, когда последние «шли в утиль», то есть переписывались минускулом, но перед тем размечались для корректного копирования надстрочными знаками.

Богатый опыт общения с византийским рукописным материалом, накопленный Б.Л. Фонкичем за всю его долгую и плодотворную жизнь, позволил подытожить результаты наблюдения за диакритикой в одной простой мысли: и в минускуле, и в маюскуле процесс развития системы надстрочных знаков должен был идти параллельно. Незачем придумывать две хронологии развития одного и того же явления. Если в среде образованных писцов восточного Средиземноморья, примерно с 70–80-х годов VIII в. переходивших на новый минускул, стала ощущаться необходимость в надстрочных знаках, это новшество естественным образом должно было передаваться и тем мастерам, кто работал со старым письмом. А если так, то палеографическая наука наконец-то получает необходимые ей фактические «зацепки» для того, чтобы ориентироваться, хотя бы весьма приблизительно, в хронологии создания маюскульных рукописей, дошедших до нас, за редчайшим исключением, без даты. До этого, как справедливо отмечал Б.Л. Фонкич, история развития унциального письма держалась лишь на авторитетном мнении исследователей прошлого о том или ином манускрипте, а еще на искусственно созданной Гульельмо Кавалло в середине XX в. системе оценки древности унциала, исходя из *интуитивного* чутья палеографа, якобы позволяющего ему судить о том, насколько конкретный рукописный образец «недотягивает», «соответствует» или уже «перегибает» черты идеального канона... Беда в том, что люди чересчур склонны доверять мнению тех, кто подсказывает им хоть какой-то ответ в безвыходной ситуации, так что иной раз высказанная тем или иным специалистом чисто умозрительная гипотеза может быть подхвачена его последователями и учениками и быстро возведена в ранг теории или даже академического учения без всяких на то оснований. Именно с таким субъективизмом, если не сказать волюн-

таризмом, в науке и боролся Б.Л. Фонкич. Интересно, что, обладая собственным немалым авторитетом в этой области, он никогда не использовал его для того, чтобы «продавить» ту или иную свою идею. Его доказательства всегда основаны на фактах. И в этом легко может убедиться всякий, кто знаком с его сочинениями, в том числе и с разбираемым нами трудом о византийском маюскуле.

Еще одна важная мысль, которая могла быть наработана исследователем лишь в процессе неустанного ознакомления со многими и многими образцами греческого письма IV–XVIII вв., состоит в том, что всякий «большой» стиль, возникавший в книжной среде Востока, не задерживался в употреблении более чем на полтора столетия. Этот вывод, чисто эмпирический, также основан на строгой системе фактов датированных и датирующихся византийских рукописей и вполне поддается проверке. В вопросе датировки унциальных рукописей он оказывается чрезвычайно важным. Так, например, наклонный маюскул палестинского дукта, вышедший из употребления уже в начале X в., по мысли Б.Л. Фонкича, невозможно датировать ни VII, ни VI, ни тем более «рубежом IV–V веков», как это делал Г. Кавалло и его сторонники. Исходя из 150-летнего срока жизни любого стиля письма, в случае с наклонным унциалом мы можем опуститься не глубже середины VIII в., а внутри этого временного интервала ориентироваться нам позволит степень развитости в маюскульной рукописи системы надстрочных знаков, пришедших из минускула. Изящная и, главное, подкрепленная самыми настоящими палеографическими данными методика Б.Л. Фонкича не позволяет заглянуть в историю маюскульного письма глубже, и в этом можно было бы усмотреть ее слабую сторону. На самом деле, в этом ее сила. Ибо все, что не может быть обосновано фактами, строго говоря, не научно. «Предел», в который утыкаются датировки Фонкича, отделяют истину от выдумки.

В заключение этой рецензии, которая, как было сказано в начале, становится неизбежным словом прощания с другом и учителем, нам хочется отдать дань чисто человеческим качествам покойного. Из бесед, которые мы с ним вели и в ака-

демических собраниях, и у него дома, запомнилась энергичность, даже резкость высказываемых им суждений, если дело касалось вопросов принципиальных, вопросов научной истины и лжи. С жаром, свойственным скорее пылкому юноше, нежели почтенному мэтру, Борис Львович хвалил и ругал своих коллег по цеху. Например, фамилию своего главного заграничного оппонента он, не стесняясь, буквально переводил с итальянского... Ибо незачем было тому отходить от внятных принципов великого Монфокона! Запомнились две основные характеристики, которые он давал ученым людям. Если человек, по его мнению, дело говорил, много и самостоятельно работал и не боялся аргументированно отстаивать свою точку зрения, он был «мощный». «Мощный палеограф!» — такую оценку приходилось слышать из его уст по адресу многих из тех, кто составлял и составляет ныне цвет мировой палеографической науки. А если человек хитрил, опирался на чужое авторитетное мнение, сам же при работе с рукописями являл пример полной беспомощности или, не дай бог, манипулировал фактами, это была «сволочь». Что делать, объективный подход к фактологическому материалу рукописей, где все черным по белому написано — умей только рассмотреть и прочитать это, как умел делать дорогой автор, вынуждал, видимо, Бориса Львовича проводить такую же четкую «черно-белую» дихотомию и между людьми. Мощным ученым, чьи сочинения закладывают базу для дальнейших палеографических исследований на десятки, если не сотни следующих лет, на наш взгляд, это позволительно.

